
«Если это для тебя благо, Аллах тебе это даст»: истихара в предпринимательской практике российских мусульман

Илья С. Крапивин

Рекомендация для цитирования:

Крапивин И. С. «Если это для тебя благо, Аллах тебе это даст»: истихара в предпринимательской практике российских мусульман // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2026. № 44 (1). С. 123–152.

For citations:

Krapivin, I.S. (2026) “If It’s Good for You, Allah will Give it to You’: Istikhara in the Business Practice of Russian Muslims”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 44 (1): 123–152.

Поступила в редакцию: 14.01.2026; прошла рецензирование: 15.02.2026; принята в печать: 20.02.2026.

Received: 14.01.2026; Revised: 15.02.2026; Accepted for publication: 20.02.2026.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Крапивин И. С., 2026

© Krapivin I. S., 2026

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия).

krapivin585@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6019-8248

Аннотация. В статье на основе этнографического материала, собранного среди предпринимателей-мусульман в 2023–2025 годах в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане и Дагестане, анализируется мусульманская практика истихара как способ работы с неопределенностью при принятии экономических и жизненных решений. С опорой на концепцию семиотических идеологий в статье показано, что истихара принимает различные формы как ритуального, так и семиотического характера. В работе выделяются три аналитически различимых семиотических режима истихары: гадательный, герменевтико-процессуальный и нормативно-этический. Каждый из них по-разному задает допустимые способы «чтения» божественных знаков и по-разному структурирует неопределенность будущего — от делегирования решения ритуалу до отказа от семиотизации происходящего. Важное место в исследовании отведено понятию блага, соотносимому с концепцией бараката — к этим категориям обращаются информанты для описания последствий принятых ими решений, что позволяет им осмыслять неудачи и провалы как часть божественного замысла. В заключение статья предлагает рассматривать истихару как способ существовать в условиях неопределенности за счет делегирования ответственности божественному предопределению.

Ключевые слова: неопределенность, семиотические идеологии, ислам в России, повседневная религия, истихара, предопределение

“If It’s Good for You, Allah will Give it to You”: Istikhara in the Business Practice of Russian Muslims

Ilya S. Krapivin

European University at Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russia).

krpivin585@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6019-8248

Abstract. *The article, based on ethnographic material collected among Muslim entrepreneurs in 2023–2025 in Moscow, Saint Petersburg, Tatarstan, and Dagestan, analyzes the practice of istikhara as a way of dealing with uncertainty when making economic and life decisions. Relying on the concept of semiotic ideologies, the article demonstrates that istikhara takes various forms, both ritual and semiotic. The study distinguishes three analytically distinct semiotic regimes of istikhara: divinatory, hermeneutic-procedural, and normative-ethical. Each of them differently defines permissible ways of “reading” divine signs and differently structures the uncertainty of the future — from delegating the decision to the ritual to refusing the semiotization of events. An important place in the study is given to the concept of good (blago), correlated with the concept of barakat (blessing) — informants refer to these categories to describe the consequences of their decisions, which allows them to interpret failures and setbacks as part of the divine plan. In conclusion, the article proposes to view istikhara as a way of existing in conditions of uncertainty by delegating responsibility to divine predestination.*

Keywords: uncertainty, semiotic ideologies, Islam in Russia, everyday religion, istikhara, predestination

Информация о финансировании: без внешнего финансирования.

Acknowledgement: without external funding.

Введение

В РАМКАХ антропологии религии ритуальные практики нередко рассматриваются как формализованные и социально регулируемые способы коммуникации — как между участниками ритуала, так и со сверхъестественными агентами: Богом,

духами или святыми¹. Такой подход позволяет рассматривать молитву, гадание или жертвоприношение не только как выражение внутренней веры, но и как практики, организующие ожидание ответа или знака, подтверждающего божественное участие в мирских делах верующих. За счет ритуалов формируется особая дисциплина восприятия, позволяя верующим интерпретировать происходящие с ними события и внутренние состояния как подлежащие религиозному истолкованию. То, какие события, телесные ощущения или эмоциональные состояния оказываются включены в это поле интерпретации, определяется не индивидуально, а в рамках социально разделяемых представлений о знаках и смысле — того, что Уэбб Кин обозначает как семиотические идеологии².

Вслед за Малиновским такие практики можно понимать и как способы работы с неопределенностью. Исследуя магические ритуалы тробрианцев, он показал, что они возникают там, где человек сталкивается с неподвластными ему силами случая и судьбы — в ситуациях риска, опасности и непредсказуемости³. Речь идет не о том, что ритуал устраняет неопределенность как таковую, а о том, что он задает семиотические правила ее осмысления: позволяет приписать происходящее не только случайности или ошибке субъекта, но и воле сверхъестественных агентов.

В формулировке Никласа Лумана различие между риском (*risk*) и опасностью (*danger*) сопряжено прежде всего с атрибуцией источника возможного ущерба, где риск обусловлен человеческим выбором, а значит поддается оценке и управлению, в то время как опасность воспринимается как внешняя и неконтролируемая угроза, связанная, например, с природными катаклизмами. Луман подчеркивает, что подобное понимание риска является исторически специфичным. Он пишет, что древние цивилизации решали сходные проблемы иначе и потому не нуждались в слове, охватывающем то, что сегодня понимается под термином «риск». Вместо этого они полагались на гадательные

¹ Rappaport, R. A. (1999) *Ritual and Religion in the Making of Humanity* (Vol. 110). Cambridge: Cambridge University Press.

² Keane, W. (2018) "On Semiotic Ideology", *Signs and Society* 6 (1): 64–87.

³ Malinowski, B. (1948) *Magic, Science and Religion, and Other Essays*. Boston: Beacon Press.

практики. Те не давали надежной защиты, но позволяли человеку принять решение так, чтобы не вызвать гнева богов⁴.

Как указывает социолог, неопределенность будущего осмыслялась не просто как следствие индивидуального выбора, а как результат правильных или неправильных отношений с трансцендентными сущностями; в этих условиях гадательные практики служили в большей степени для легитимации самого решения и перераспределения ответственности за его последствия, чем для предсказания исхода того или иного события. Представление о несоблюдении религиозных предписаний или табу и вытекающем из этого грехе может выполнять ту же функцию, что и современное представление о риске, объясняя причины несчастий. Лишь в переходный период между поздним Средневековьем и ранним Новым временем, согласно Луману, формируются «светские» и рациональные способы работы с неопределенностью, которые уступают место религиозным представлениям. Социолог приводит в пример древневосточную морскую торговлю, в которой практики работы с риском поначалу не сильно отличались от обращения к покровительствующим божествам, однако постепенно к этому добавился риск-менеджмент, основанный на секулярных началах, особенно в части распределения ролей между поставщиками и мореходами, что фактически выполняло страховые функции.

Подобный сдвиг, однако, не означает исчезновения религиозных способов работы с неопределенностью. Напротив, в современных религиозных практиках они продолжают сосуществовать с языком рационального выбора и ответственности. В исламском контексте подобная логика особенно наглядно проявляется в практике истихары⁵ — ритуале, восходящем к Сунне Пророка, который подразумевает обращение к Всевышнему в ситуациях неопределенности, когда имеются сомнения или неуверенность относительно какого-либо решения, начиная от выбора брачного партнера и заканчивая выбором бытовой техники.

Как отмечают Е. А. Хонинева и А. А. Панченко, «локальные семиотические модели становятся видимыми и доступными для анализа, когда наблюдается конфликтное столкновение интер-

⁴ Luhmann, N. (1993) *Risk: A Sociological Theory*, p. 8. New York: Walter de Gruyter, Inc.

⁵ Слово «истихара» происходит от арабского корня «хайр» (خير), который означает «благо», «польза» и означает «стремиться к благу» или «просить у Аллаха лучшего».

претативных схем или же происходит оспаривание либо нарушение правил толкования знаков»⁶. Подобная ситуация конфликта интерпретаций возникает вокруг истихары, поскольку способы ее осуществления весьма разнообразны и варьируют от напоминающих гадание манипуляций с четками или текстом Корана до молитвы, за которой следует интерпретация происходящих событий, телесных ощущений или внешних знаков как ответа на сделанный запрос.

Эмпирический материал для данной статьи собран в 2023–2025 годах среди предпринимателей-мусульман Санкт-Петербурга, Москвы, Татарстана и Дагестана в рамках диссертационного исследования исламских экономических практик в России. В статье используются фрагменты полуструктурированных интервью с четырнадцатью предпринимателями в возрастном диапазоне от 25 до 60 лет из разных регионов и сфер бизнеса. Среди информантов — владельцы розничных магазинов и торговых точек, предприниматели, занятые в строительстве, оптовой торговле, бьюти-индустрии, онлайн-образовании, исламских финансах, посредник в международном бизнесе и основатель частного детского сада.

Материалы, собранные среди предпринимателей-мусульман, показывают, что истихара распространена неравномерно и занимает различное место в религиозной жизни информантов. Часть собеседников вовсе не знала о ее существовании, другие были знакомы лишь поверхностно и не прибегали к ней на практике. Вместе с тем для некоторых информантов истихара становится регулярно используемым инструментом принятия решений. Показательно, что в этих случаях ее освоение редко происходит «сразу»: напротив, истихара включается в повседневную религиозную практику по мере углубления соблюдения религии и вхождения в определенные социальные и профессиональные среды. Информанты различаются и по тому, как часто они обращаются к истихаре: одни делают ее только в редких ответственных ситуациях — например, при покупке квартиры или другой крупной недвижимости, — тогда как для других эта практика может быть более регулярной.

⁶ Панченко А., Хонина Е. «Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 37 (4). С. 10.

В данной статье ставится задача исследовать, что именно истихара делает с неопределенностью — устраняет ее или позволяет с ней сосуществовать? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть истихару в нескольких измерениях: ритуальный — как она совершается; ситуативный — когда к ней обращаются; и герменевтический — как трактуют то, что произошло после ее исполнения. В статье будет показано, что истихара представляет собой пространство, в котором пересекаются несколько способов «чтения» божественных сигналов — от прагматических инструментов вроде четок до более тонких форм самонаблюдения, работы с внутренними состояниями и обращения к снам.

За каждым из этих способов стоит собственная семиотическая идеология, определяющая, какие события, ощущения и образы могут быть признаны значимыми и поняты в качестве ниспосланного знака. Через истихару тем самым задаются допустимые режимы интерпретации божественных ответов, в рамках которых вырабатываются способы обращения с неопределенностью. Обращаясь к истихаре, мусульмане символически делегируют последствия своего решения Всевышнему, что позволяет снять груз ответственности в ситуациях, где рациональный выбор затруднен, и принять любой результат — успех или неудачу — как часть божественного замысла.

Истихара и сон

В антропологических исследованиях истихара предстает прежде всего техникой ориентации в ситуации неопределенности, где ключевым медиумом божественного ответа выступает сон. Центральной аналитической задачей исследователей становится описание социальных и герменевтических процедур, позволяющих истолковать сновидения, полученные после молитвы. Сны имеют важное значение в исламской традиции, например, в соответствии с хадисом выделяются три категории снов — истинные сновидения, посланные Аллахом, которые видят праведники и пророки, тревожные и ложные сны от шайтана и повседневные сны, порождаемые нафсом — смесью внутренних желаний, подсознательных образов и мыслей. Значимость снов в исламе подкрепляется и тем, что Пророк получал часть откровения во сне и начинал утро с вопроса к сподвижникам о том, что им приснилось, чтобы истолковать их сновидения. При этом, несмотря на наличие богатого кор-

пуса хадисов о снах, они не обладают достаточной нормативной силой, заменяющей правовое толкование, поэтому к их интерпретации подходят с некоторой долей осторожности⁷.

Полевая работа, проведенная британским антропологом Иэном Эдгаром в Турции, показала, что люди, вне зависимости от социального положения, обращаются к истихаре, в особенности при выборе супруга или принятии решений в бизнесе. Эдгар описывает истихару как практику «инкубации» сна (*dream incubation*), подразумевая под этим то, что чтение дуа и размышление о жизненном выборе накануне засыпания подразумевает получение сна, который впоследствии будет интерпретирован имамом в соответствии с «кодами» толкования снов. Таковыми могут выступать цвета, события и сам характер сна — его безмятежность или, наоборот, беспокойство⁸.

Амира Миттермайер пишет, что в 1950-х годах в Египте практически никто не говорил о молитве истихара, однако на момент ее исследования в начале 2000-х годов, в связи с исламским возрождением, почти у всех собеседников так или иначе были истории обращения к истихаре. Она показывает, что в современном Египте практика истихары оказывается предметом постоянных споров: религиозные реформаторы и психологи критикуют интерпретацию снов после истихары, утверждая, что такие сны не являются видениями, ниспосланными Богом, а лишь показывают то, что человек хочет увидеть. Показателен в этом отношении эпизод, описанный исследовательницей, когда известный египетский толкователь снов шейх Ханафи отказался интерпретировать сон, увиденный после истихары обратившейся к нему женщины. Шейх раскритиковал саму установку на «вызов» божественного знака, настаивая на том, что видение во сне — это спонтанный дар Бога, а не следствие исполнения ритуальной последовательности. В духе салафитской критики он призывает женщину использовать разум и взвешивать аргументы за и против, например, при принятии брачного предложения⁹.

⁷ Edgar, I.R. (2006) "Encountering 'True Dream' in Islam: a Journey to Turkey and Pakistan", *British Academy Review* 9: 7–9.

⁸ Edgar, I., Henig, D. (2010) "Istikhara: The Guidance and Practice of Islamic Dream Incubation Through Ethnographic Comparison", *History and Anthropology* 21 (3): 251–262.

⁹ Mittermaier, A. (2010) *Dreams that Matter: Egyptian Landscapes of the Imagination*. Berkeley: University of California Press.

Несмотря на общую черту, выраженную в ожидании и интерпретации сновидений, истихара представляет собой чрезвычайно разнообразную практику. Например, как пишет Эдгар, сенегальские марабуты делают истихару от лица клиента, ожидая ночного откровения. Марокканская же истихара предполагает ночевку у гробниц святых¹⁰, что подразумевает посредничество святого, характерное для суфийской традиции, в отличие от нормативной индивидуальной истихары, которую нередко делают после ночной молитвы в надежде получить сновидение. Помимо интерпретации снов истихара в Марокко также означает ряд других ритуальных форм: гадание на четках и стихомантию (открытие Корана наугад). Как пишет М. Е. Резван, исторически в начале XX века в Центральной Азии после произнесения намаза мусульмане наугад открывали Коран и интерпретировали первый попавшийся аят как указание к действию¹¹. Эдгар также фиксирует менее распространенные формы истихары, в которых ответ проявляется не во сне, а непосредственно в телесной реакции. Сам Эдгар отмечает, что с подобной практикой сталкивался редко, что подчеркивает локальный и вариативный характер этих техник¹².

Амира Миттермайер на египетском материале показывает, что истихара задает особый режим ожидания и интерпретации божественного ответа, при котором сон рассматривается как наиболее «ясный» знак, но далеко не единственно возможный¹³. Ответ может проявляться и в форме внутреннего ощущения уверенности, склонности к одному из вариантов, и через интерпретацию событий, разворачивающихся после молитвы. Как отмечает Арасели Гонсалес-Васкес, именно эта множественность техник превращает истихару в поле постоянных дискуссий, где границы между ортодоксией, суфийской практикой и «народной религией» остаются подвижными и постоянно обсуждаемыми¹⁴.

¹⁰ Edgar, I. R. (2011) *The Dream in Islam: from Qur'anic Tradition to Jihadist Inspiration*. Oxford: Berghahn Books.

¹¹ Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011.

¹² Edgar, I., Henig, D. "Istikhara: The Guidance and Practice of Islamic Dream Incubation Through Ethnographic Comparison".

¹³ Mittermaier, A. *Dreams that Matter: Egyptian Landscapes of the Imagination*.

¹⁴ Gonzalez-Vazquez, A. (2014) "Dreaming, Dream-Sharing and Dream-Interpretation as Feminine Powers in Northern Morocco", *Anthropology of the Contemporary Middle East and Central Eurasia* 2 (1): 97–108.

В отличие от большинства описанных в литературе случаев, материалы, собранные среди информантов в Дагестане и Татарстане, показывают иную конфигурацию практики истихары. Обращение к ней значительно реже связывается с ожиданием сновидения и его последующей интерпретацией. Вместо этого сами информанты описывают истихару как действие, после которого «проясняется» позиция человека: меняется внутреннее состояние, появляется или исчезает уверенность, а дальнейшие события воспринимаются как подтверждающие или, напротив, опровергающие принятое решение. Тем самым различия касаются не только техник воплощения истихары, но и того, что именно считается божественным знаком, какие формы сигналов признаются легитимными и как выстраиваются практики их интерпретации. Для анализа этих различий в дальнейших разделах я выделяю несколько семиотических идеологий, позволяющих рассмотреть истихару как совокупность представлений о том, где именно локализуется божественный знак, каким образом он должен распознаваться и какую степень определенности от него ожидают.

Герменевтико-процессуальная идеология

Чаще всего в современном российском контексте истихара осуществляется в формате нафиля — дополнительного и добровольного намаза, который является желательным (*суннат*), но не обязательным (*фарз*), как пятикратный намаз. Впрочем, дозволяется совершать истихару и без совершения намаза, либо после фарз намаза. После чтения сур Корана мусульманин произносит дуа, общая суть которого сводится к тому, чтобы попросить у Всевышнего благословения в деле, если оно является благом для него и его религии и наоборот, если это дело несет в себе плохие последствия, то верующий вопрошает отдалить от него это дело. Текст дуа передавался информантами наизусть и достаточно однообразно в связи с тем, что формула истихары зафиксирована в хадисе.

Аллах, ты знающий. Я невежественный твой раб. Ты всемогущий. Я твой слабый раб. Ты знаешь все о сокрытом. Если в этом деле, которое я сейчас планирую сделать, есть благо для моей потусторонней жизни и этой жизни, то открой мне его. Если же в этом есть

вред для меня, для моей потусторонней жизни, то закрой его и замени мне его тем, что будет для меня благо. (Асхатали¹⁵)

В исследовании Шэрин Хамди, посвященном вере в предопределение среди тяжело больных египетских мусульман, описывается случай пациента, который отказывается проходить медицинское обследование для трансплантации почки, объясняя это отсутствием желания продолжать лечение. Этот случай демонстрирует еще одну особенность истихары — ее способность превращать внутренние эмоциональные состояния в религиозные знаки. Хамди подчеркивает, что интерпретация истихары не всегда опирается на внешние критерии и зачастую строится на субъективных ощущениях, которые воспринимаются как божественное внушение¹⁶.

Эта интерпретация фактически распадается на два уровня — внутренний и внешний. С одной стороны, толкованию подвергается сама внутренняя реакция после намаза: показало ли «сердце» склонность к одному из вариантов, ушли ли сомнения или, наоборот, ничего не изменилось. Отсутствие явного ощущения тоже нуждается в толковании — если после намаза человек не ощущает уверенности в одном из вариантов или не видит никаких «знаков», то информанты, как правило, совершают еще одну или несколько попыток либо интерпретируют это так, что отсутствие ответа может означать, что в данном деле нет пользы или что благодати (*баракат*) это действие не принесет. С другой стороны, информанты говорят о необходимости интерпретировать и внешние события, которые происходят после истихары: получается ли заключить сделку, возникают ли препятствия, «открываются» или «закрываются» двери, что говорят окружающие и как складываются обстоятельства.

Тем не менее среди ряда информантов распространено представление о том, что после намаза и дуа человек, пусть и направленный Всевышним, должен самостоятельно прийти к верному решению. В этой связи перед мусульманином встает нетривиальный вопрос — как понять, что делать после истихары? Решение и интерпретация отчасти зависят от первоначального запроса. Мурад Алискеров — основатель дагестанской ор-

¹⁵ Имена информантов изменены в целях анонимности.

¹⁶ Hamdy, S. F. (2009) "Islam, Fatalism, and Medical Intervention: Lessons from Egypt on the Cultivation of Forbearance (*sabr*) and Reliance on God (*tawakkul*)", *Anthropological Quarterly* 82 (1): 173–196.

ганизации «ЛяРиба», предоставляющей услуги по исламской рассрочке, — утверждает, что истихару нужно делать, когда не получается выбрать что-либо из двух вариантов. Затем либо во сне, либо после наблюдения за какими-то событиями «чаша весов в сердце» должна склониться на ту или иную сторону, а сомнения — уйти¹⁷. По мнению отдельных богословов, нередко причисляемых к салафитам, после истихары нужно просто сделать то, что уже было задумано, например, купить участок земли или устроиться на какую-то работу¹⁸. Если это решение несет пользу, то Аллах облегчит его исполнение, но, если на пути возникнут трудности и мусульманин обнаружит, что перед ним «закрываются двери», это также будет хорошим знаком, означающим, что Всевышний отдаляет от неудачного выбора. Таким образом, интерпретация результатов истихары субъективна, так как не существует единой формулы декодирования ниспосылаемых знаков.

«После молитвы истихара важно быть внимательным ко всем знакам и внутренним ощущениям. У кого-то появляется чувство спокойствия и уверенности в правильности одного из вариантов, а кто-то, наоборот, может столкнуться с препятствиями, которые укажут на нежелательность того или иного пути», — говорится в заметке, посвященной применению истихары¹⁹.

В ряде рассказов информантов истихара не приводит к появлению отчетливого знака, однако запускает особый режим наблюдения за ходом событий. Внимание смещается с ожидания символического ответа до выполнения действия — на фиксацию «сопротивлений», которые происходят после: сбоев, задержек, неудачных совпадений, которые интерпретируются как указание на нежелательность выбранного направления. В этом режиме предопределение не «сообщается» человеку напрямую, а об-

¹⁷ *ЛяРиба М.* Вы знали, что такое истихара молитва? // TikTok. 26.08.2026 [https://www.tiktok.com/@murad.lariba/video/7000702093459836162?q=истихара&t=1711024395908, доступ от 10.04.2024].

¹⁸ См., напр.: Menk, M. “Understanding Istikhara”, *YouTube*. 15.09.2022 [https://www.youtube.com/watch?v=Gsc3zwHmIVc&t=213s, доступ от 10.04.2024]; *аль-Хамис У.* Молитва Истихара // TikTok. 05.16.2023 [https://www.tiktok.com/@zagadochniy1122/video/7233840358365465874, доступ от 10.04.2024].

¹⁹ “Istikhara Dua: A powerful tool for seeking divine guidance”, *Warattil Academy*. 15.11.2024 [https://warattil.net/istikhara-dua-for-seeking-divine-guidance/, accessed on 11.12.2024].

наруживается постфактум — через то, как складываются или не складываются действия.

Ты делаешь истихару и смотришь, наблюдаешь уже. Так же действуюешь и у тебя какие-то знаки — прет или не прет. Допустим, у меня товар, я думаю, купить его или не купить. В итоге я делаю истихару и после этого действую. В процессе ты понимаешь, что у тебя что-то не прет, ты не дозваниваешься до человека, потом решаешь поехать и машина ломается. (Асхатали)

Владелец розничного магазина исламской и дагестанской продукции в Санкт-Петербурге Рустам делает истихару перед крупными сделками. Информант настаивает на том, что нужно прислушиваться к сердцу, которое и подскажет верное решение. Если в деле нет благодати, то, по мнению Рустама, истихара не покажет результата. Однако даже в таком случае практика будет полезна, так как во время ее проведения читаются суры и аяты, считает Рустам.

Предприниматель из Таджикистана Фархад делал истихару, когда нужно было решить, какое помещение выбрать для своего продуктового магазина в Санкт-Петербурге. Однажды информант отдал залог за помещение, сделал несколько раз истихару, но, так и не почувствовав уверенности, решил не открывать бизнес на этом объекте, потеряв при этом деньги. «Я стремился, чтобы это была воля Создателя. Я же просил, что лучше. Вот было лучше, значит, вот так», — сказал он.

Замысел истихары, по мнению Абдулмалика, занимающегося оптовыми продажами отопительных систем на Северном Кавказе, заключается в том, что верующий полностью полагается на Всевышнего и его предопределение. «Мы совершаем, принимаем этот вопрос — и смотрим, как оно идет», — сказал он. Информант говорит о необходимости «создать причину» — сделать то, что находится в зоне человеческой ответственности, а затем уже оставить исход Всевышнему.

Есть братья, которые говорят о том, что на все воля Всевышнего, и лежат на диване, в то время как жена на двух-трех работах работает. Надо же причины создавать обязательно. А как Всевышний даст тебе, если ты причины не создаешь? (Мансур)

Молодой мусульманин азербайджанского происхождения Хаким, сотрудник исламской финансовой организации в Казани, размышляющий в подобном ключе о причинах богатства, привел в пример историю о разногласии между основателями двух суннитских правовых школ, имамом аш-Шафии и имамом Маликом. Позиция аш-Шафии состояла в том, что для получения *ризка* необходимо «создать причину», в то время как имам Малик утверждал, что причины не обязательны.

Однажды имам аш-Шафии помог донести человеку мешок, и тот ему дал за это финики. Аш-Шафии затем пошел к своему учителю имаму Малику и говорит «вот я причину сделал, дотащил мешки и мне дали финики». А имам Малик взял у него финик и съел со словами: «Я вот никакой причины не сделал, а все равно финик съел». Смысл в том, что нельзя уходить в крайности. Где-то ты должен сделать причину, а где-то — вообще ничего не делать. Иногда даже «не делать» — это тоже причина. Если поговорить с бизнесменами, можно увидеть, что в их жизни часто двери открываются сами собой: появляются партнеры, условия, возможности — независимо от дипломов и образования. Есть успех через причины, а есть успех без видимых причин. И все это — от Аллаха. (Хаким)

Таким образом, удел (*ризк*) также осмысливается как часть предопределения — мусульманин обязательно получит то, что ему предписано, однако, как считает Мансур, испытание от Всевышнего заключается в том, как именно будет обретен *ризк*, «правильным или кривым путем».

Рассмотренные кейсы позволяют описать доминирующую среди информантов герменевтико-процессуальную семиотическую идеологию истихары, в рамках которой молитва выступает механизмом, запускающим интерпретативный процесс. Вместо готового ответа истихара задает условия, в которых решение постепенно становится ясным — по мере того как человек наблюдает за последовательностью внешних обстоятельств или внутренних состояний и пытается их осмыслить.

Иными словами, истихара в качестве знака либо создает внутреннее состояние, которое необходимо распознать, и тем самым божественное вмешательство проявляется через внутренний аффект, либо знаками становятся события и их динамика во времени: легкость или затруднения, препятствия и совпадения, кото-

рые связываются с божественным руководством. В этой логике истихара не устраняет неопределенность мгновенно, требуя внимательности и герменевтической работы, одновременно с тем признавая ограниченность собственного знания.

Гадательная семиотическая идеология

В суфийской среде Дагестана истихара нередко совершается при помощи четок. Этот вид истихары отчасти напоминает гадание, сближаясь с другими аналогичными способами проведения истихары, вроде стихомантии, описанной М. Е. Резван²⁰. Для осуществления истихары на четках первоначально делается намерение, которое включает в себя формулировку конкретного запроса. Затем произносят *шахаду*²¹ и *истиазу*²², читают суры Фатиха и Ихляс, после чего переходят к четкам. Как рассказали информанты, практикующие истихару на четках, после формулирования намерения и чтения обязательных молитв начинается отсчет от одного до семи со случайной бусины в сторону хвостика, пока до него не останется не менее семи бусин. Оставшееся количество и есть результат истихары — если осталось три или семь бусин, то это отрицательный результат, а если одна, пять или шесть, то положительный. В случае если осталось четыре, то считается, что решение осуществимо, но следует ожидать трудностей.

На практике истихара на четках нередко осуществляется не самим заинтересованным лицом, а через посредника — как правило, религиозного авторитета или шейха, которому делегируется право совершения ритуала и интерпретации результата. Так, основатель частного детского сада Руслан, рассказывая об обращении к истихаре при открытии бизнеса, подчеркивал, что сам не проводил ритуал, а приходил к шейху, подробно излагая ему все обстоятельства, сомнения и ожидания, связанные с предполагаемым решением.

Так как истихара на четках претендует на «знание скрытого», она часто критикуется более ортодоксальными мусульманами — они воспринимают эту практику в качестве нововведения

²⁰ Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик.

²¹ «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — Пророк его» — это исламское свидетельство веры, основной столп ислама.

²² «Я прибегаю к Аллаху от шайтана, побиваемого камнями» — мольба-призыв к Аллаху о защите от зла.

и колдовства. Как рассказал Абдулкарим, новообращенный мусульманин из Санкт-Петербурга, основатель онлайн-школы английского языка, истихара при помощи четок вызывает привыкание. «Ты прям становишься как бы рабом этой штуки, и там доходило до того, что люди там уже ну каждый там шаг, каждое такое движение уже не могут сами сделать», — уточнил он. По словам информанта, истихара-намаз предпочтительнее, так она не претендует на знание «скрытого», доступного только Всевышнему. В такой интерпретации истихара-намаз оказывается встроенной в повседневную религиозную практику упования и не предполагает ожидания конкретного знака или результата. По этой причине Абдулкарим предпочитает истихару в форме намаза, чтобы не придавать ей мистического характера.

В варианте намаза пространство для толкования шире: здесь истихара создает обширное поле возможных смыслов, требующее постоянной герменевтической работы. В случае же «гадания» на четках поле интерпретации резко сужается — четки задают бинарность и конкретность результата, избавляя от необходимости распознавать и интерпретировать знаки. Схожесть истихары на четках с практикой гадания становится предметом критики со стороны ортодоксальных мусульман.

Есть некоторые мусульмане, которые отрицают истихару. Говорят, это типа гадания, но это дозволенная дорога, которую нам дал Всевышний. Они говорят, мы истихара намазы делаем, а на четках они говорят, что это вы как камни кидаете. (Абдулвахид)

Критика истихары на четках как притязания на «знание скрытого» не является локальной особенностью российского контекста. Амира Миттермайер показывает, что, несмотря на широкое распространение истихары в повседневной религиозной жизни египетских мусульман, именно ее популярные формы регулярно объявляются нелегитимными и неисламскими. Так, бывший муфтий Египта шейх Али Гум'а прямо относит истихару через сновидения, четки, кофейные чашки, карты, песок, хиромантию или случайное открытие Корана к недопустимым нововведениям (*бид'а*)²³.

²³ Mittermaier, A. *Dreams that Matter: Egyptian Landscapes of the Imagination*.

Петербургский предприниматель и меценат из Дагестана Магомедгаджи, напротив, предпочитает обращаться к истихаре при помощи четок. По его словам, намаз требует большего сосредоточения и усилий и уместен лишь в исключительных ситуациях. «Я думаю, к этому намазу можно один-два раза в жизни прибегнуть — когда что-то совсем сверхсерьезное, вроде атомной войны», — пояснил он. Во всех остальных случаях, по мнению Магомедгаджи, достаточно четок, тем более что многие, говоря об истихаре, «не вполне понимают ее смысл».

В подтверждение он приводил несколько эпизодов из собственного опыта. В одном случае его друг отказался лететь рейсом с пересадкой из-за больной ноги и настаивал на прямом перелете. Магомедгаджи, сделав истихару, все же решил лететь через Москву. Позднее выяснилось, что самолет, которым собирался лететь его друг, выкатился за пределы взлетной полосы и попал в аварию. В другом эпизоде, уже в Саудовской Аравии, Магомедгаджи после истихары решил не садиться в первые автобусы из аэропорта. Впоследствии оказалось, что один из пропущенных рейсов задержался в пустыне на несколько часов из-за поломки.

Рустам, в свою очередь, менее радикален по отношению к истихаре на четках, но так как истихара на четках вызывает разногласия, а истихара-намаз точно разрешена, он предпочитает делать именно ее. Магомедгаджи возражает на это тем, что истихара в альтернативном варианте придумана «не сегодня и не вчера» и известна со времен Дауда, который делал ее на стрелах. Тех же, кто считает, что истихара на четках — нововведение, информант обвиняет в том, что они предпочитают в хадж летать на самолете вместо того, чтобы ходить пешком.

Таким образом, так как истихара на четках осуществляется быстрее и дает более точный и легко интерпретируемый результат, то к ней прибегают чаще и по широкому кругу вопросов, что становится предметом критики тех, кто осуществляет истихару в форме намаза. Абдулмалик считает, что некоторые делают истихару на «все подряд». Подобное избыточное осуществление истихары информант проиллюстрировал ситуацией, которую наблюдал в магазине бытовой техники своих родителей. Мужчина выбирал микроволновку, раз за разом делая истихару на четках, однако каждый раз она «показывала», что покупку стоит отложить, после чего он уходил из магазина, возвращаясь через несколько дней.

Но это же просто покупка, а люди себя начинают загонять. Бывает, поесть или не поесть, уже по истихаре решают — это перебор. Человек должен решения принимать, а не все на истихару вешать. У тебя есть разум, есть возможность подумать. Есть сомнительные вещи — да, делаешь истихару: жениться или не жениться... Такие судьбоносные вещи. Когда ты реально в смятении — не знаешь, чего ждать. И ты просишь: если это путь для меня лучший — дай мне. Если нет — закрой и дай мне лучшее. И обычно так и бывает: сам видишь, как сердце перенастраивается. А когда ты на каждую микроволновку делаешь — там уже сердце ничего не подскажет. (Абдулмалик)

Под «сердцем» информант понимает не столько мистическое знание или откровение, а скорее интуитивное ощущение правильности решения, которое есть у любого человека. Разница, по его словам, состоит в том, что мусульманин сопоставляет внутреннее ощущение с шариатом. В качестве объяснения информант приводит пример с видениями Пророка во сне. Раньше ему казалось, что любое такое видение истинно, пока один ученый на *умре*²⁴ не пояснил, что видение считается достоверным, только если образ полностью соответствует описанным признакам Пророка и не противоречит шариату; иначе это наущение шайтана. У каждого явления, говорит информант, есть свои рамки. Точно так же и с интуицией: нужно проверять свои ощущения через шариат — если они ему соответствуют, значит, решение правильное.

Еще одну историю об удачном стечении обстоятельств после истихары рассказал Абдулвахид — дагестанец средних лет, занимающийся продажей и установкой электрических подстанций в республике. Несколько лет назад он закупил товар, но долго не мог забрать его со склада из-за болезни. Прежде чем лечь в больницу, информант несколько месяцев делал истихару на четках, чтобы принять решение, когда ехать за товаром. Накануне диспансеризации истихара «показала» положительный результат, после чего Абдулвахид решил поехать на склад. Дорога сложилась исключительно удачно — машину, которую иной раз приходится ждать неделями, получилось быстро найти через знакомых диспетчеров, а саму базу, на которой лежал товар, вскоре долж-

²⁴ Умра — малое паломничество в Мекку, которое, в отличие от хаджа (большого паломничества), можно совершать в любое время года.

ны были арестовать приставы, и буквально на днях планировалась опись складских помещений, после чего забрать товар было бы уже практически невозможно.

История Абдулвахид демонстрирует характерную для ряда информантов логику интерпретации истихары: длительные задержки и препятствия трактуются как способ, которым Всевышний ограждает от ошибочного шага, в то время как внезапная легкость и цепочка удачных совпадений подтверждают, что решение было принято верно. Результат истихары всегда интерпретируется позитивно: мусульманин оказывается успешен в своих начинаниях, а если нет, то это означает, что Всевышний удерживает от еще большего ущерба.

Я обычно на четках делаю, например, понравилась машина, не знаешь, какая она, и как бы советуешься с Всевышним, будет ли польза от нее и благодать. И когда Всевышний открывает, дорогу берешь, и все. И там даже иногда на внешний вид не смотришь, там что и как. Если хорошо истихара показала, то поехал. (Абдулвахид)

Рассмотренные практики позволяют говорить о специфической гадательной семиотической идеологии истихары, в рамках которой божественное руководство проявляется в четких и структурированных знаках, внешних по отношению к интерпретатору и не требующих длительной герменевтической работы. Именно эта претензия на прямой доступ к «знанию скрытого» делает истихару на четках уязвимой для критики как формы гадания и нововведения. В то же время для самих практикующих такая идеология оправдывается прагматически, потому как четки рассматриваются в качестве легитимного инструмента, позволяющего действовать в условиях дефицита времени. В этом смысле спор вокруг истихары на четках разворачивается не столько вокруг допустимости самой практики, сколько вокруг конкурирующих представлений о том, каким должен быть божественный знак — процессуальным и требующим интерпретации или же дискретным и мгновенно читаемым.

Ортодоксально-нормативная идеология

Современный саудовский ученый Абу Усама Айюб ибн Мавляна Мухаммад, чья переведенная брошюра на тему истихары ши-

роко растиражирована на исламских интернет-ресурсах, критикует понимание истихары как гадательной практики и приводит в пример гадание по тексту Корана, называя его новшеством, у которого нет основания в Сунне. Шейх утверждает, что среди мусульман распространено заблуждение о том, что после истихары можно увидеть сон или ощутить склонность к тому или иному решению. «Иными словами, люди часто неправильно понимают слова ученых, решая, что в хадисах об истихаре содержится обещание, что сердце человека, совершившего истихару, склонится к тому или иному решению, в то время как человек, исполнивший истихару, часто не находит в сердце ничего подобного», — пишет ученый. Шейх считает, что смысл истихары не в том, чтобы облегчить принятие решения, более того, принятое решение после истихары может оказаться неудачным, но Всевышний создаст препятствия, тем самым направив человека к тому, что для него будет лучше²⁵.

Ты остановился, ты попросил у Всевышнего помощи в этом. Вот как бы и все. И дальше пошел. Не на себя ты как бы надеешься. Истихара-намаз — это не вещь, которую ты делаешь, чтобы почувствовать что-то. Суть [истихары]-намаза показать, что ты раб, что ты не знаешь, что ты нуждаешься. Вот просто... напоминаешь себе об этом и все. (Абдулкарим)

Иными словами, истихара успешна в том случае, если после нее удалось принять некоторое решение, в которое в силу советственности с Богом априорно заложен *баракат*. Как пояснил Мансур, практикующий истихару для деловых решений, для него ключевым оказывается не столько получение знака, указывающего на тот или иной выбор, сколько отсутствие переживаний, так как решение веряется Всевышнему.

Надо ситуацию отпустить и отдать все на волю Всевышнего. То есть, опять же, там не нужно принимать решение. Ты попросил Всевышнего сделать для тебя благом, как будет лучше. И оно само по себе, по сути, получается, то есть здесь нет такого сидеть, ждать... (Мансур)

²⁵ Абу Усама Айюб ибн Мавляна Мухаммад. Истихара в свете Сунны // Мусульманский женский портал «Анниса-тудей» [<https://azan.kz/upload/istihar.pdf>, доступ от 10.04.2024].

Мансур подчеркивает, что после истихары у него «нет переживаний»: если контракт сорвется, это перестает быть поводом для сомнений в собственных компетенциях или сожалений, потому что решение интерпретируется как часть божественного замысла. Для него истихара представляет собой способ снять ответственность за непредвиденность и выйти из парализующего состояния неопределенности.

Я делал истихару перед увольнением и переездом из Москвы в Казань. Сомнений, переезжать или нет, у меня не было — решение уже было принято. Вопросы были другие: где я буду работать, как зарабатывать, как снимать жилье, как вообще все сложится дальше. Вот в этом была неопределенность. Истихара показывает нашу нужду в Боге. Когда ты делаешь дуа, Аллах отвечает тебе и открывает двери оттуда, откуда ты вообще не ожидал. Если человек думает, что это не работает, — это уже отчаяние. А первым, кто отчаялся в милости Аллаха, был шайтан. Даже если человеку очень тяжело, он все равно не отчаивается, потому что знает: Аллах его не оставит. (Хахим)

Опыт Хакима показывает, что истихара может практиковаться уже после принятия решения и не обязательно связана с выбором между альтернативами. В его случае переезд из Москвы в Казань не вызывал сомнений как таковой; неопределенность касалась последствий этого шага — трудоустройства и доходов. В этой логике истихара и дуа позволяют принять непредсказуемость предопределения и не впасть в отчаяние.

В терминах семиотических идеологий «ортодоксально-нормативная» позиция радикально ограничивает саму возможность трактовать истихару как практику чтения знаков. Сон, телесное ощущение или внезапная «склонность сердца» здесь последовательно выводятся за пределы легитимного семиотического поля и интерпретируются либо как субъективные состояния, либо как потенциально опасные формы приписывания человеку доступа к скрытому знанию. Знак в этом режиме не подлежит непосредственному распознаванию и тем более интерпретации: божественное руководство мыслится не как сообщение, а как последствие, разворачивающееся во времени через события и препятствия, смысл которых становится различимым лишь ретроспективно. Тем самым истихара перестает быть техникой по-

лучения ответа и превращается в практику дисциплинирования субъекта. Ее семиотическая функция заключается не в производстве значений, а в отказе от них: человек сознательно отказывается от поиска подтверждений, ощущений или символических указаний, подчеркивая собственную эпистемическую ограниченность и передавая контроль над исходом Всевышнему. В этом смысле нормативная критика «гадательных» форм истихары направлена не только против конкретных техник, но и против самой идеи, что божественная воля может быть понята в виде читаемого знака, доступного индивидуальному толкованию.

Истишара и истихара

Еще один способ принятия решений, нередко упоминаемый вместе с истихарой, называется истишара²⁶. В широком смысле под истишарой понимается практика совета и обсуждения насущных дел с близкими и экспертами. В 97-й главе сборника хадисов ан-Навави «Сады праведных» вместе с формулой истихары приводится 38-й аят суры «Совет», в котором подчеркивается важность обращения друг к другу за советом в ходе принятия решений. Мустафа Кавас, изучающий влияние ислама на предпринимательскую деятельность мусульман в Турции, делает вывод, что после истишары любое решение истолковывается как правильное, даже если оно принесло убытки, что сближает эту практику с истихарой, в которой на первый план также выходит представление о скрытой божественной логике, приносящей благо от Всевышнего вне зависимости от исхода дела²⁷.

В отличие от истихары, имеющей пусть и разнообразную, но четкую ритуализированную форму, истишара, напротив, не требует специального ритуального регламента, поэтому информанты хоть и советуются с родственниками, друзьями, деловыми партнерами или более опытными предпринимателями, но не воспринимают это как отдельный религиозный ритуал. По этой причине истишара в меньшей степени известна и упоминалась лишь парой информантов.

²⁶ Истишара (استشارة) переводится с арабского как «консультация», «совет», «совещание».

²⁷ Kavas, M., Jarzabkowski, P., and Nigam, A. (2020) "Islamic Family Business: The Constitutive Role of Religion in Business", *Journal of Business Ethics* 163 (4): 689–700.

Асхатали, занимающийся посредничеством между дагестанским и иранским бизнесом, считает, что истихара всегда должна совершаться «в комплексе»: человек сначала обращается к знающим людям в соответствующей сфере (в случае бизнеса — к опытным предпринимателям), собирает несколько мнений, сравнивает их и лишь затем принимает решение, сопровождая его истихарой. Другой информант, Хаким, как и Асхатали, периодически прибегает к истихаре и истишаре, рассматривая их как взаимодополняющие способы принятия решений.

Подобное сочетание практик описывает и Амира Миттермайер, отмечая, что ее информанты подчеркивали необходимость сначала «использовать собственное суждение» и обратиться за советом к более опытным людям, а затем дополнить это обращением к Богу через истихару, когда человек еще не принял окончательное решение. Это условие необходимо, чтобы полученный после истихары знак не оказался отражением собственных желаний, что создает определенное напряжение, поскольку предварительное обсуждение в ходе истишары способно сформировать склонность к одному из вариантов.

В работе Миттермайер эта проблема формулируется через различие между сном как божественным указанием и сном как отражением собственных желаний. Если увиденное во сне интерпретируется как *хадис нафси* — продукт внутреннего состояния и неосознанных стремлений человека, — такой сон не обладает религиозной значимостью и не может рассматриваться как результат истихары. Именно на этом основании, как отмечает Миттермайер, египетские психологи нередко ставят под сомнение сны после истихары, утверждая, что во сне человек лишь воспроизводит то, чего уже хочет. Вместе с тем сама граница между сном как выражением желания и сном как ниспосланным видением оказывается принципиально неочевидной и требует постоянной рефлексии со стороны верующего²⁸.

В этом смысле ситуация отчасти напоминает описанную Е. А. Хониневой в католическом контексте дилемму распознавания знаков, где верующие сталкиваются с необходимостью отличить божественное указание от проекции собственных желаний и тем самым развивают особую форму семиотической бдитель-

²⁸ Mittermaier, A. *Dreams that Matter: Egyptian Landscapes of the Imagination*.

ности²⁹. Однако в практике истихары эта проблема артикулируется иначе.

Если в католическом распознавании призвания основной акцент делается на длительной работе по различению подлинных и ложных знаков, то в случае истихары вопрос об онтологическом статусе знака оказывается на периферии, потому как любой полученный результат, независимо от того, поощряет он действие или, напротив, удерживает человека от него, заранее воспринимается как верный, поскольку считается одобренным Богом. В этом смысле «положительность» результата определяется не его содержанием, а самой процедурой истихары. Именно поэтому точное распознавание божественной воли отходит на второй план и мало заботит информантов, потому как главная функция истихары — переносить ответственность за исход дела на божественное предопределение.

Концепция блага в истихаре

Обращение к понятию блага присутствует во всех рассказах об истихаре, независимо от того, связывается она с ожиданием сна, внутреннего ощущения или отказом от интерпретации знаков как таковых. Информанты неоднократно подчеркивают, что результат истихары может оказаться неожиданным, а иногда и прямо противоположным первоначальным ожиданиям: то, что произошло, — включая неудачи и срывы договоренностей, — интерпретируется как уже содержащее в себе благо, пусть и неочевидное в момент принятия решения.

И у меня была как раз дилемма, либо взять повыше внедорожник, либо остаться на спортивной. Я просто прочитал истихару, и все-таки я понял, что практичнее мне купить внедорожник, чтобы была повыше машина, более вместительной, с большим багажником и т. д. И знаешь, сделка по моей старой прошла, я ее продал очень выгодно и купил выгодно машину, которую планировал. То есть, понимаешь, ты, главное, от себя делаешь причины, отпускаешь эту ситуацию, и Всевышний делает наилучшим образом для тебя. (Мансур)

²⁹ Хонниева Е. Семиотическая бдительность и культивация искренности в католической практике распознавания призвания // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 37(4). С. 102–129.

В случае истихары важно то, что любой результат вне зависимости от того, каким он кажется на первый взгляд, воспринимается как положительный ввиду непостижимости божественной мудрости. Мансур считает, что если бы у него не получилось продать машину после истихары, то это значило бы, что для него это и есть наилучший исход. То есть неудача трактуется не как ошибка, а как указание на то, что Всевышний закрыл путь, который в данный момент мог бы привести к вреду или испытанию, к которому человек еще не готов.

Асхатали иллюстрирует эту логику на гипотетическом примере сорвавшейся поездки на деловую встречу. В его рассказе человек опаздывает на самолет из-за пробки и переживает произошедшее как досадную неудачу, приписывая случившееся стечению обстоятельств или собственной ошибке. Однако последующее известие о крушении самолета радикально меняет интерпретацию того же самого события: то, что первоначально воспринималось как потеря и срыв «выгодной сделки», ретроспективно осмысливается как спасение и проявление божественной милости. Как подчеркивает информант, сами обстоятельства не меняются: меняется лишь знание об исходе и вместе с ним — отношение к уже произошедшему.

Фирдаус, стилистка и предпринимательница из Казани, ни разу не видела сны после истихары или иных отчетливых знаков.

Я помню, хотела выйти за первого супруга, я прям год каждый день читала истихару. Сейчас я тоже читаю, тоже в рамках личной жизни, но уже не на определенного человека. Голова включилась, осознанность тоже пришла, и уже просто просишь, чтобы тебе дали то, что будет тебе максимально соответствовать. Понятное дело, что мы истихару делаем с конкретным желанием, что именно хотели бы получить. Но то, каким должно быть благо, часто руководствуемся из своей головы, хотя мудрость Всевышнего куда шире. Я в два могу попросить, чтобы было благо, но нет такого, что я что-то определенное прошу, чтобы просто во благо сложилась обстановка в этом проекте. (Фирдаус)

Тем самым истихара для Фирдаус вместо практики «чтения» божественной воли превращается в способ принять непредсказуемость божественного предопределения, обладающего априорным благом. Это означает, что благо, о котором просят в истихаре,

в меньшей мере связано с мирским успехом. Непредсказуемость божественного предопределения здесь означает то, что благо не измеряется категориями выгоды, достатка или внешнего благополучия. Как сформулировал Асхатали: «проблемой является с точки зрения ислама либо неверие, либо заблуждение. Остальное с точки зрения ислама проблемой как таковой не является». В этой логике истихара направлена на сохранение религии и следование шариату, даже если это предполагает отказ от желаемого или ведет к потерям в мирском смысле. Богатство, карьерный рост или удачное стечение обстоятельств приобретают значение лишь постольку, поскольку они не подрывают религиозного благочестия.

То, что ты желаешь, если это для тебя благо, Аллах тебе это даст. А если это не будет для тебя благом, Он тебе этого не даст. Потому что если дать тебе то, что для тебя не благо, ты можешь отдалиться от ислама. Например, ты просишь деньги. Аллах тебе их дает — и ты начинаешь убирать ислам на второй план, начинаешь заниматься только деньгами. Такое бывает. А если Аллах знает, что деньги для тебя будут благом — что ты их получишь и при этом сохранишь свой ислам, — тогда Он тебе их даст. В этом и есть уникальность: Аллах знает, когда и что для человека является благом. (Шамсуддин)

Деньги, успех или расширение бизнеса в этой логике не являются ни благом, ни злом как таковыми; они приобретают значение лишь в зависимости от того, как они влияют на религиозность конкретного человека. При этом представление о благе не устраняет различий между типами решений. Напротив, информанты последовательно разводят ситуации, в которых решение может быть принято на основании опыта и рационального расчета, и ситуации с более высокой долей неопределенности, где требуется истихара. Амир — дагестанец, занимающийся строительным бизнесом в Санкт-Петербурге, привел в пример ситуацию, когда делал истихару на двух поставщиков, которые предлагали одинаковые условия и цену, но по поводу обоих были некоторые сомнения.

Ты можешь сначала истихару делать, для тебя нет ясного довода, ясного решения, ясного понимания. А ты истихару сделал, ты через какое-то время уже получаешь ясное понимание. (Амир)

Амир объяснил, что истихара, помимо ее трансцендентной силы, может задержать человека от быстрого принятия решения и дать ему побольше времени подумать о сделке. Сам информант не делает истихару «на ясные ситуации», прибегая к ней, когда требуется больше времени на раздумья.

Как бы, допустим, у тебя есть два поставщика, ты делаешь на двух поставщиков. Они для тебя новые оба. Если не работал до этого, цена одинаковая, условия одинаковые, у тебя есть какие-то сомнения по отношению к тому и к другому, и ты начинаешь как бы делать истихару между ними. (Амир)

Для Амира истихара становится релевантной не только при наличии сомнений, но и в ситуации структурной неопределенности, когда оба варианта оказываются неразличимы по рационально оцениваемым параметрам, а решение не может быть принято на основе опыта и экспертности.

Если честно, по личным вопросам было: покупка чего-то себе. А вот чтобы прямо по бизнесу — не помню. Потому что здесь я стараюсь просчитать: беру и смотрю — выгодно, не выгодно, интересно, не интересно. Исходя из этого. То есть я, конечно, об этом всем думаю. И понимаю, что вот... там я прочитал столько книг, сделал столько вещей, и типа, исходя из этого, я умею правильно решения принимать. (Абдулмалик)

Абдулмалик рационализирует различие между сферами, в которых допустимо полагаться на собственные компетенции, и сферами, где требуется прямое обращение к божественному руководству. В деловых вопросах, по его словам, он может положиться на свою экспертность: здесь он допускает, что определенный объем знаний и опыта позволяет ему уверенно действовать без обращения к истихаре. Рустам похожим образом чаще обращался к истихаре, когда только начал заниматься своим продуктовым магазином, но по мере приобретения опыта стал делать истихару реже, в основном когда речь шла о больших суммах. Рассуждения Асхатали позволяют связать разные способы осуществления и понимания истихары в единую логику работы с неопределенностью.

Больше всего человека пугает что? Неопределенность человека пугает. Даже, например, если тебя ожидает какая-то беда, но ты ее знаешь определенно — вот сейчас я туда пойду и мне три раза по голове там дубинкой дадут или есть другая неизвестная дорога, то она будет более страшной казаться, чем первая, хотя там, может быть, просто комар укусит. (Асхатали)

Как пишет Эдгар, религиозные практики, направленные на получение божественного руководства, функционируют как культурно специфические формы «психотерапии», позволяющие справляться с эмоциональным стрессом из-за неопределенности³⁰. В этом смысле истихара — независимо от того, реализуется ли она в гадательной, интерпретативной или нормативной семиотической идеологии, — работает прежде всего как техника перенастройки субъекта: она позволяет снизить напряжение, связанное с необходимостью выбора, и сделать любой исход переносимым.

Заключение

Анализ практик истихары демонстрирует, что различия между ними, помимо ритуальной формы, касаются способов работы с неопределенностью и представлений о том, каким образом и в какой степени божественная воля может быть понята и считана. Обращение к понятию семиотических идеологий позволяет схватить эти различия как конкурирующие режимы определения того, что вообще может считаться божественным указанием.

В рамках гадательной семиотической идеологии предполагается, что божественная воля может быть ниспослана в форме однозначного и процедурно заданного ответа — например, через манипуляции с четками. Здесь знак не требует развернутой герменевтической работы: результат истихары задается самим ритуальным механизмом и воспринимается как прямое указание к действию. Неопределенность будущего в этой логике снижается за счет делегирования решения ритуалу, что позволяет субъ-

³⁰ Edgar, I., Henig, D. "Istikhara: The Guidance and Practice of Islamic Dream Incubation Through Ethnographic Comparison".

екту действовать с минимальной рефлексией и практически без сомнений относительно правильности выбора.

Для герменевтико-процессуальной идеологии, воплощенной в ритуальной форме дополнительного намаза, предполагается, что божественные знаки, подлежащие интерпретации, проявляют себя в снах, повседневных событиях или на уровне чувства внутренней склонности к тому или иному решению. В этой логике неопределенность будущего рассматривается как поддающаяся частичному прояснению за счет интерпретации знаков, при этом на самого субъекта возлагается ответственность за их распознавание и осмысление.

В нормативно-этической семиотической идеологии, напротив, отрицается сама установка на распознавание знаков. Божественное предопределение мыслится как принципиально недоступное человеческому знанию, а попытки его «прочтения» — как сомнительные с теологической точки зрения. В этой логике неопределенность не подлежит снижению или контролю: она признается нормальным и неизбежным состоянием человеческого существования. Задача верующего состоит в том, чтобы принять любой исход как наилучший из возможных с точки зрения божественной воли. Истихара в таком понимании выступает прежде всего как еще одна форма упования на Всевышнего, дополняющая повседневные практики поклонения.

Все описанные семиотические идеологии объединяет апелляция к понятию блага как предельному критерию оценки принятого решения и его последствий. Независимо от того, мыслится ли божественная воля как поддающаяся процедурному извлечению, требующая интерпретации или принципиально недоступная человеческому знанию, истихара в каждом случае соотносится с ожиданием того, что реализовавшийся исход может быть признан благим. При этом благо не сводится к чему-либо конкретному — ни к субъективному чувству удовлетворенности, ни к экономическому успеху или отсутствию негативных последствий — при условии его принятия как части предопределения. Истихара, таким образом, не подменяет собой рациональное принятие решений и не устраняет неопределенность, а предлагает способ сосуществования с ней.

Библиография / References

- Панченко А., Хонинева Е. «Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 37 (4). С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-7-18>; EDN: EVJDHV.
- Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб.: Наука, 2011. EDN: RXYRJ.
- Хонинева Е. Семиотическая бдительность и культивация искренности в католической практике распознавания призвания // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 37 (4). С. 102–129. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-102-129>; EDN: YULSDG.
- Edgar, I. R. (2006) “Encountering ‘True Dream’ in Islam: a Journey to Turkey and Pakistan”, *British Academy Review* 9: 7–9.
- Edgar, I. R. (2011) *The Dream in Islam: from Qur’anic Tradition to Jihadist Inspiration*. Oxford: Berghahn Books.
- Edgar, I., Henig, D. (2010) “Istikhara: The Guidance and Practice of Islamic Dream Incubation Through Ethnographic Comparison”, *History and Anthropology* 21 (3): 251–262.
- Gonzalez-Vazquez, A. (2014) “Dreaming, Dream-Sharing and Dream-Interpretation as Feminine Powers in Northern Morocco”, *Anthropology of the Contemporary Middle East and Central Eurasia* 2 (1): 97–108.
- Hamdy, S. F. (2009) “Islam, Fatalism, and Medical Intervention: Lessons from Egypt on the Cultivation of Forbearance (sabr) and Reliance on God (tawakkul)”, *Anthropological quarterly* 82 (1): 173–196.
- Kavas, M., Jarzabkowski, P., and Nigam, A. (2020) “Islamic Family Business: The Constitutive Role of Religion in Business”, *Journal of Business Ethics* 163 (4): 689–700. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04384-5>; EDN: NTDDSO.
- Keane, W. (2018) “On Semiotic Ideology”, *Signs and Society* 6 (1): 64–87.
- Khonineva, E. (2019) “Semiotic Vigilance and the Cultivation of Sincerity in the Catholic Practice of Vocation Discernment”, *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(4): 102–129. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-102-129>; EDN: YULSDG. (In Russian)
- Luhmann, N. (1993) *Risk: A Sociological Theory*. New York: Walter de Gruyter, Inc.
- Malinowski, B. (1948) *Magic, Science and Religion, and Other Essays*. Boston: Beacon Press.
- Mittermaier, A. (2010) *Dreams that Matter: Egyptian Landscapes of the Imagination*. Berkeley: University of California Press.

- Panchenko, A., Khonineva, E. (2019) “‘Semiotic Ideologies’, Mediation and Contemporary Anthropology of Religion”, *Gosudarstvo, religii, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 37 (4): 7–18. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-7-18>; EDN: EVJDHV. (In Russian)
- Rappaport, R. A. (1999) *Ritual and Religion in the Making of Humanity* (Vol. 110). Cambridge: Cambridge University Press.
- Rezvan, M. E. (2011) *The Quran in the System of Muslim Magical Practices*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)